

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-304-319

EDN: GCEECY

Научная статья

Русский язык и этнический профиль личности

В.И. Теркулов^{ID}Донецкий государственный университет, *Донецк, Российская Федерация*✉ terkulov@rambler.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется потребностью установить параметры этнической идентификации и этнической самоидентификации личности, мотивированных появившейся в связи с событиями последних лет необходимостью решения целого ряда политических, этнологических и социологических проблем, таких как формирование национального самосознания, культурной идентичности, поведенческих стереотипов личности и т.д. Важным является определение роли языка в данном процессе, поскольку именно язык выступает в качестве основного маркера всех видов этнической идентичности, объединяемых в этнический профиль личности. Цель исследования состоит в описании особенностей участия русского языка в формировании этнических профилей личности представителей русского лингвоэтноса. В качестве материала используются документы и научные исследования, отражающие актуальные тенденции функционирования русского языка в России и мире. Для достижения цели используются методы социолингвистического анализа, в частности — анализ письменных источников и стратификационная классификация. Установлена трехкомпонентная структура этнического профиля, включающая лингвоэтнос, социоэтнос и политэтнос. Определена этническая структура личности, настроенная на ее двустороннюю атрибуцию: этническую и субэтническую. Выявлены субэтнические составляющие всех компонентов этнического профиля. Установлены этнические статусы литературного языка, территориальных, социальных и национальных модификаций языка, национального языка, государственного языка и родного языка. Описано отличие русского языка от суперординатных языков, объединяющих ряд своих национальных вариантов, например английского языка, имеющего британский, американский и другие национальные варианты. Подтверждено существование единого русского лингвоэтноса и единого русского социоэтноса, связанных с различными политэтнотами. Констатируется, что главным фактором формирования этнического профиля личности является язык. Предполагается возможность построения типологии этнических профилей на основе формульного сопряжения лингвоэтнической, социоэтнической и политэтнической характеристик личности.

Ключевые слова: лингвоэтнос, социоэтнос, политэтнос, субэтнос, государственный язык, литературный язык, национальный язык, родной язык

Финансирование. Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка

XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15.10.2024; принята к печати 14.02.2025.

Для цитирования: Теркулов В.И. Русский язык и этнический профиль личности // Русистика. 2025. Т. 23. № 2. С. 304–319. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-304-319>

Введение

Проблема этнической (национальной) идентичности личности является сейчас одной из самых актуальных, так как свойственная людям «потребность, не присущая ни одному природному виду, — потребность чувствовать, что они представляют некоторую социальную общность, характеристики которой отличают их от других» (Хотинец, 2002: 18), в периоды социальных катаклизмов проявляет себя в наибольшей мере: человек таким образом ищет для себя поддержки у общества и успокоения в нем. Однако еще в XIX в. У. Бейджхот отметил: «До тех пор, пока нас о ней (о сущности национальной, этнической принадлежности. — В.Т.) не спрашивают, мы понимаем, что это такое, но тотчас же это объяснить или определить мы не в состоянии» (Оль, Ромашов, 2002: 22). Более того, сам термин «нация» «имеет вид „понятийного хамелеона“, который меняет цвет в зависимости от внешних условий. Любой исследователь... сталкивается с терминологическим разнообразием, нередко просто с хаосом, и главной проблемой для него становится проблема выбора дефиниции, которая соответствует его концептуальному подходу к проблеме» (Касьянов, 1999: 24). Т. Моммзен даже утверждал, что нация — «это только фикция». Он, правда, отметил и то, что и «ее отмена — это утопия» (цитируется по: (Погорельская, 2001: 93)), поскольку, как пишет Б. Андерсон, «быть нацией — это, по сути, самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени» (Андерсон, 2016: 42).

Учеными все же предпринимаются попытки определения сущностных признаков этноса. Особая роль здесь практически всегда отдается языку. Часто он считается главным и, пожалуй, единственным средством объединения этноса. Об этом писал, например, К.Д. Ушинский: «Когда исчезает народный язык, — народа нет более» (Ушинский, 1999: 199). См. также работы О.Н. Новиковой (Новикова, 2019), А.П. Арефьева (Арефьев, 2015) и др. Однако сейчас чаще все-таки утверждается, что язык является важным, но не основополагающим атрибутом этноса. Этот тезис стал главным основанием для различения «лингвистического» примордиального и «нелингвистического» конструктивистского подходов: «Характеризуя основную особенность связи между языком и этничностью, примордиалисты рассматривают эту связь обязательной, неоспоримой, закрепляемой преемственностью между поколениями. Сохранение подлинной этнической идентичности, по их мнению, невозможно без традиционно связанного с нею языка. И, как правило, в прошлом немало народов исчезало вместе со своим языком (шумеры). С точки зрения

конструктивистов, имеется немало „свидетельств“ обратного: утрата связи с языком не приводила к утрате соответствующей этнической идентичности, и наоборот, известно, когда народ исчезал (римляне), а язык продолжал жить: в образовательных институтах, в культурных артефактах и других языках (латинский)» (Кузнецова, 2011: 104). В. Тишков, представляющий конструктивистское направление, утверждает: «Утрата языка трактуется как исчезновение народа. Это <...> заблуждение: индейские языки почти исчезли. Но народы остаются. То же самое и в нашей стране. Российские немцы, украинцы, армяне почти все русскоязычные. Из евреев мало кто знает идиш или иврит. Но от этого они не перестали быть армянами или евреями»¹.

Приведенное противоречивое отношение ученых к языку обусловлено тем, что при установлении этнической принадлежности личности разными исследователями и в приложении к разным этническим объединениям используются разные и, на первый взгляд, конкурирующие подходы: языковой, определяющий этническую принадлежность по тому, какой язык является для индивида функционально первым, социокультурный, абсолютизирующий этническое самоопределение личности, и политический, имеющий в своей основе параметр «гражданство». Мы же считаем, во-первых, что существует кластерная модель — этнический профиль личности, включающий все три указанные идентификационные схемы: лингвоэтническую, социоэтническую и политэтническую, и во-вторых, что каждая из этих схем опирается именно на языковую идентичность личности. Иначе говоря, в основе этнического профиля личности лежит лингвоэтническая идентичность, и в каждом из компонентов профиля основой идентификации является язык, выступающий, правда, в разных статусах: родной, национальный, государственный. Такой подход позволяет по-новому рассмотреть этноязыковое устройство государства, что актуально сейчас для Российской Федерации и стран бывшего Советского Союза.

Цель исследования — определить особенности участия русского языка в формировании этнических профилей личности представителей русского лингвоэтноса.

Методы и материалы исследования

В качестве материала выступили документы, например Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», и аналитические материалы, например (Арефьев, 2012), отражающие актуальные особенности использования русского языка в России и в мире. Методологической базой исследования стали методы социолингвистического анализа, т.е. «методы соотнесения и сопоставления собранных в ходе полевого исследования экстралингвистических и языковых данных и верификации полученных результатов» (Социолингвистика, 2024: 29). В первую очередь

¹ Тишков В. Народ не умирает с языком // Известия. 12.09.2019. URL: <https://iz.ru/920557/valerii-tishkov/narod-ne-umiraet-s-iazykom> (дата обращения: 15.12.24).

использовались метод анализа письменных источников и метод стратификационной классификации, сущность которого состоит в описании соотношенности языков и их вариантов с социальными группами их носителей.

Результаты

Установлено, что три подхода к определению этничности — примордиальный, предполагающий языковую этническую идентификацию личности, конструктивистский, основанный на ее социокультурной самоидентификации, и условно примордиальный, отождествляющий этничность с гражданством, являются объективно обоснованными и не конкурируют, а взаимодополняют друг друга, формируя кластерную структуру — этнический профиль личности.

Определяется, что конструктами данного кластера являются (1) лингвоэтничность и лингвоэтнос, (2) социоэтничность и социоэтнос, (3) политэтничность и политэтнос. При описании конструктов этнического профиля в качестве дескриптивной матрицы используются понятия: «этническая структура личности», предполагающее ее этническую и субэтническую атрибуцию на каждом уровне профиля, и понятие «этнический статус языка (идиома)», определяющее уровнеобразующие статусы языка / идиома (идиом языка, родной — функционально первый язык, национальный язык, государственный язык).

На этой основе формируется представление об особенностях русской лингвоэтничности как базы для ряда смежных этнических профилей с различной социоэтнической и политэтнической идентификацией личности. Констатируется единство русского лингвоэтнуса.

Обсуждение

Подходы к определению этнической принадлежности личности

Этнос определяется как «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этноним)» (Махмудов, 2013: 148). Однако в реальности указанные особенности получают целый ряд не просто разных, но даже противоречащих друг другу трактовок. Нами ранее в (Теркулов, 2024а; Теркулов, 2024b) были рассмотрены три основные концепции этнической идентификации и самоидентификации, к которым относятся:

1) примордиальная концепция языковой идентификации, предполагающая отнесенность человека к тому этносу, язык которого является для него функционально первым (я русский, потому что мой родной язык русский);

2) конструктивистская концепция социокультурной самоидентификации, основывающаяся на собственном желании индивида быть отнесенным по тем или иным причинам к тому или иному этносу (я русский, потому что мои родители считают себя русскими, потому что я люблю русскую культуру, говорю на русском языке и т.д.);

3) условно примордиальная концепция политической идентификации и самоидентификации, устанавливающая, что индивид относится к нации, сформированной государством, гражданином которого он является (я русский или россиянин, потому что я гражданин России).

Обычно предполагают, что эти концепции конкурируют: какая-то из них является исключительно правильной, а остальные — ошибочными. При этом в большинстве случаев исключительно правильной считается «наиболее толерантная» конструктивистская модель идентификации, а точнее — самоидентификации: человек то, чем он себя считает. Я, сын русской и татарина, считаю себя русским, поэтому я русский. Такая трактовка закреплена законодательно: «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности»². Правда, очень часто высказываются сомнения в ее объективности. Например, М.Н. Губогло пишет: «Одним из побочных продуктов конструктивизма выступает вольное или невольное, осознанное или без злого умысла выхолащивание содержания и структуры этнической идентичности. Чем структура более зыбкая, тем легче ею манипулировать или использовать в качестве механизма для каких-либо внеэтнических целей» (Губогло, 2003: 198).

Мы же констатируем, что приведенные выше подходы не исключают, а дополняют друг друга: языковое, социокультурное и политическое определения этноса отражают не конкурирующие, а объективно сосуществующие аспекты этничности, объединяющиеся в **этнический профиль индивида**, т.е. в «трехкомпонентную картину его этнической идентичности, включающую лингвоидентичность, социоидентичность и политидентичность» (Теркулов, 2024b: 218–219):

1) лингвоидентичность и лингвоэтнос объединяют людей, говорящих на одном функционально первом родном языке. Мы считаем лингвоэтнос главным этническим объединением, поскольку именно функционально первый язык «представляет собой некий код, определяющий своей структурой особенности того или иного языкового сознания» (Нечаева, 2009: 31). Остальные типы идентичности формируются текстами на родном языке, который и создает лингвокультурное пространство этих текстов;

2) социоидентичность и социоэтнос — единство людей, считающих себя принадлежащими к одному этносу. И в данном случае очевидна связь с языком, но не с первым функциональным, а с этническим: если я русский, мой язык — русский, потому что это язык моего этноса;

3) политидентичность и политэтнос (нация) — объединение граждан одного государства. Здесь в качестве языкового маркера этничности выступает государственный (официальный) язык страны, гражданином которой я являюсь. Например, независимо от того, к какому лингвоэтносу и социоэтносу

² Конституция Российской Федерации. URL: <https://constitutionrf.ru/constitutionrf.pdf> (дата обращения: 18.12.24).

относится гражданин России, он является россиянином (русским), и для него обязательно знание русского государственного языка.

При описании компонентов этнического профиля в качестве дескриптивной матрицы используются понятия «этническая структура личности» и «этнический статус языка (идиома)».

Этническая структура личности

Этническая структура личности настроена на ее бинарную атрибуцию: этническую и субэтническую. Этнос определен выше. Субэтнос — это объединение людей, являющееся «элементом структуры этноса» (Гумилев, 2004: 73). Система субэтносов русского этноса определяется на основании констатации использования ими разных идиомов, входящих в структуру русского языка. При этом каждый тип этноса в структуре этнического профиля личности имеет свои субэтнические воплощения.

Субэтносы лингвоэтноса (лингвосубэтносы) представлены и территориально — как объединения носителей русского языка, связанных общностью территории и региолектом, например дончане — жители Донбасса, чья речь определяется как донецкий региолект, и социально — как объединения людей, относящихся к одной социальной или профессиональной группе, например молодежный лингвосубэтнос, использующий молодежный сленг, и этнически, например лингвосубэтнос русских относящихся к другим социо- и политэтносам. Следует также выделить билингвальный лингвосубэтнос, который составляют люди, имеющие несколько родных языков, один из которых — русский, например билингвальные осетины, якуты, ханты, инокультурный лингвосубэтнос, который объединяет носителей русского языка, относящих себя к другим социоэтносам, например обрусевших татар, белорусов и т.д.

Социокультурный этнос включает два типа субэтносов:

1) русский лингвальный социосубэтнос, подкрепленный русской лингвоэтничностью; он объединяет носителей русского языка, считающих себя русскими;

2) русский нелингвальный социосубэтнос, не подкрепленный русской лингвоэтничностью; он объединяет людей, не владеющих русским языком, то есть не входящих в лингвоэтнос, связанный с данным социоэтносом, например, русских эмигрантов, не говорящих по-русски, но считающих себя русскими.

Политсубэтносы представлены в федеральном пространстве, где помимо государственного языка есть официальные языки субъектов РФ. Например, для русского (российского) политэтноса выделяются собственно русский политсубэтнос, объединяющий граждан в тех субъектах Федерации, в которых официальным является только русский язык, и, например, калмыцкий политсубэтнос, объединяющий жителей Калмыкии, в которой государственными языками являются калмыцкий и русский языки.

Обнаружение и описание возможных моделей субэтнической организации каждого из типов этноса — новая и актуальная проблема для лингвистической этнологии.

Этнический статус языка (идиома)

Этнический статус языка (идиома) — это особенности его использования на разных уровнях этнической идентификации индивида. Важную роль в данном процессе может играть не только язык, но и любой его идиом, который определяется как «языковая система, используемая для общения в каком-то сообществе людей. Причем статус этой системы в расчет не принимается: это может оказаться литературный язык, диалект, жаргон» (Алпатов и др., 2024: 34). Для определения различных типов идентичности важно определение понятий «**идиомы языка**», «**национальный (этнический) язык**», «**государственный (официальный) язык**», «**родной язык**».

1. Идиомы языка. Выделяются литературный язык и территориальные, социальные и национальные идиомы, участвующие в формировании лингво-субэтнуса.

Главной разновидностью языка в любом его статусе (родной, национальный, государственный) является литературный язык, под которым понимается «основная наддиалектная форма существования языка, характеризующаяся большей или меньшей обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации» (Словарь..., 2006: 108). Именно литературный язык выполняет объединяющую функцию. Во-первых, будучи единообразным на всей территории распространения национального языка, он формирует единство лингвоэтнуса, в нашем случае — русского, «объединяя носителей разных диалектов (а точнее — региолектов. — В.Т.) в единый этноязыковой коллектив» (Словарь..., 2006: 156). Во-вторых, при социоэтнической идентификации ее субъект связывает понятие этнический язык в первую очередь именно с литературным языком, поскольку именно он «является одной из важнейших составляющих национально-культурной (в нашей терминологии — социоэтнической — В.Т.) идентификации» (Алпатов и др., 2024: 56). В-третьих, именно литературный язык выполняет функции государственного (официального языка), что формирует его образовательную значимость — в учебных заведениях обучают именно литературному языку: «Учитывая, что в качестве государственного языка должен использоваться современный литературный язык, обучение „государственному“ языку должно предполагать изучение самого понятия нормы языка, средств и способов нормирования и стандартизации литературного языка, социолингвистических представлений о приемлемости и уместности использования тех или иных языковых средств, чтобы четко очертить границы использования литературного языка» (Белов, Кропачев, 2020: 14).

Единство русского этноса во всех аспектах этнического профиля, таким образом, обеспечивается единообразием русского литературного языка.

Территориальной разновидностью языка мы считаем не диалект, а **региолект**, который определяется нами как «регионально маркированная организация всего языкового пространства региона» (Теркулов, 2018: 10), объединяющая местные говоры, регионально маркированное просторечие, регионально

маркированные жаргоны и сленги и даже регионально маркированную разновидность разговорного литературного языка. Региолекты формируют территориальные лингвособъёты, в нашем случае — русского языка, например новгородский субъект, дальневосточный субъект и т.д. Базовой формой региолекта является региолектное просторечие.

Социальной разновидностью языка является **социальный диалект (социолект)**, понимаемый нами как «разновидность языка, характеризующаяся ее использованием в пределах определенной социальной группы — сословной, профессиональной, возрастной» (Словарь..., 2006: 205). Социолекты формируют русские социальные лингвособъёты, например молодежный субъект, субъект шахтеров Донбасса и т.д.

Национальной (внешней этнической) разновидностью языка является **нациолект** — вариант русского языка, используемый билингвами, для которых функционально первым является другой язык. Например, чеченский нациолект русского языка, татарский нациолект русского языка и т.д. В речи билингвов реализуются интерферентные явления, формирующие интерферентный лингвокультурный фон.

2. Национальный язык. Нациолекты определяются иногда как «полнофункциональные разновидности литературного языка, имеющего на территории вне исходного идиома статус государственного или официального языка и обладающего системой языковых норм, закрепленных в соответствующих академических изданиях и/или законодательных актах» (Корина, Верде, Замалетдинов, 2021: 788). В этом случае для русского языка предполагают существование белорусского русского нациолекта, казахстанского русского нациолекта и т.д. О том же пишет А.Н. Рудяков, обозначающий понятия так нациолекты термином «национальные варианты русского языка», которые определяются на основе констатации их собственно языковых (структурных) отличий от «метрополийного» варианта. Точно так же подходят к определению статуса «зарубежного» русского Н. Корина, О. Верде, Р. Замалетдинов, рассматривающие белорусский русский в одном ряду с немецким австрийским и американским английским (Корина, Верде, Замалетдинов, 2021: 788). В частности, для украинского национального варианта русского языка отмечают, например, отличающие его от собственно русского языка черты: наличие фрикативного (h), особые лексические единицы (*бурак* «свёкла», *ставок* «пруд», *кутёнок* «щенок») и синтаксические конструкции (это было за Брежнева «во времена Брежнева») и т.д. (Рудяков, 2010).

Наши возражения, представленные, в частности, в (Теркулов, 2012), опираются на несколько иное представление о том, как следует определять национальный язык и национальный вариант языка.

Как известно, отмечаются случаи, когда 1) носители разных языков прекрасно понимают друг друга и используют идиомы, минимально различающиеся в собственно лингвистическом отношении; таковы, например, «югославские» языки (сербский, хорватский, боснийский, черногорский), тюркские языки и т.д.; 2) носители диалектов одного языка могут не понимать друг

друга и использовать лингвистически различающиеся идиомы; таковы, например, диалекты немецкого языка, арабского языка и т.д.» (Теркулов, 2024а: 109). Это определяет необоснованность использования собственно языковых расхождений для верификации идиома: они различают идиомы, но не устанавливают их статуса. Более приемлемы для этого социолингвистические параметры:

1) основные: наличие отдельного лингвонима, указывающего на языковой, а не на субидиомный статус идиома, на его связь с отдельным социоэтносом или политэтносом, а не социосубэтносом или политуэтносом;

2) факультативные: наличие литературной формы и официального статуса³; см. подробнее: (Теркулов, 2024а).

Для национального языка: чешский язык является национальным языком, потому у него есть лингвоним (*čeština, český jazyk*), его связывают с чешской нацией как с социоэтносом (чехами) и с политэтносом (гражданами Чехии), он имеет литературную форму (*spisovná čeština*), а также официальный статус — государственного языка (*úřední jazyk*) в Чешской Республике и регионального языка в Австрии, Боснии и Герцеговине, Хорватии и Словакии.

Для национального варианта: американский английский является национальным вариантом английского языка, поскольку имеет распространенный среди носителей лингвоним, указывающий на статус национального варианта (*American English*), и определенный стандартами ISO и интернета языковой код (*en-US*). Данный язык связывается с американской нацией как политэтносом (гражданами США). Он имеет литературную разновидность (см. о ней, например, в (Швейцер, 1971)). Хотя в США нет официального языка, американский английский является де-факто общим языком федерального правительства и государства.

Если мы подойдем с этой точки зрения к русскому языку, то мы должны констатировать следующее.

1. Носителями русского языка на Украине, в Белоруссии, Казахстане и т.д. для своего идиома не используются «вариантностные наименования» типа украинского русского, белорусского русского, казахстанского русского и т.д. Их используют либо филологи, либо политики, желающие разделить русский мир. Например, на Украине внедряется идея о том, что в этой стране нет никакого русского языка, а есть украинский вариант русского языка (Ю. Мендель)⁴. Иногда изобретается и лингвоним. Например, А. Аваков назвал свою русскую речь «слобожанским» диалектом, используемым в Сумской и Харьковской областях⁵. С этим не соглашаются граждане Украины,

³ Указанные параметры отмечаются далеко не для всех языков, но их наличие однозначно характеризует отдельный язык.

⁴ Пресс-секретарь Зеленского назвала русский язык частью культурного разнообразия Украины // Tass.ru. 4 апреля 2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11067069> (дата обращения: 15.12.24).

⁵ Арсен Аваков изобрел «слобожанский» диалект, чтобы не говорить на «мове» // EADaily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/12/12/arsen-avakov-izobrel-slobozhanskiy-dialekt-chtoby-ne-govorit-na-move> (дата обращения: 18.12.24).

упорно называя свой язык русским без каких-либо «украинских атрибутов». *Сейчас живу в Днепре и с полной ответственностью заявляю, что процентов 90 примерно жителей в быту употребляют именно **русский язык**, но прекрасно понимают украинский и очень многие владеют украинским*⁶; *Очень много людей пишут мне в Facebook*⁷, *в комментариях в YouTube, звонят и просят некоторые эфиры проводить **на русском языке**. Хотелось бы вам этого или нет, но на Украине еще есть русскоязычные люди, не все уехали*⁸.

2. Не существует ни социоэтнотосов, ни политэтнотосов «русские украинцы», «украинские русские», «белорусские русские», «русские белорусы» и т.д., которые связывались бы с носителя русского языка в этих странах. Все живущие за пределами Российской Федерации русские считают себя именно русскими. Иначе говоря, русская нация существует как этнически не разделенное единство.

3. Русский **литературный** язык, несмотря на мнение Н. Кориной, О. Верде, Р. Замалетдинова, одинаков во всех странах, и отступления от его норм, отражающие интерферентные процессы, воспринимаются носителями русского языка в этих странах не как «местные нормы», а как отступления от норм, что подтверждается и учебниками русского языка, использующимися в местных школах: в них представлены нормы русского языка Российской Федерации.

4. Ни в одной из стран «местный» русский не имеет официального статуса: везде, где русский язык признается официальным, речь идет именно об общерусском языке в его литературной форме.

Все это позволяет говорить о том, что русский язык как этнообразующий язык един. Его зарубежные разновидности, отмечаемые в первую очередь на просторечном уровне, определяются как островные региолекты именно единого русского языка.

3. Государственный язык, являясь символом государства, объединяет политэтнос, собственно, нацию. В нашем случае русский политэтнос объединяет русский государственный язык. При этом в русский, а точнее — в российский политэтнос объединяется множество политсубэтнотосов, в которые входят как представители собственно русского политсубэтнотоса, проживающие на территориях с одним официальным — русским языком, так и жители тех субъектов РФ, в которых помимо русского в качестве официального языка используется национальный язык. Например, в Российской Федерации отмечается 36 политсубэтнотосов: татарский, тувинский, украинский, крымскотатарский и др. Нужно уточнить, что политсубэтнос выделяется только в том случае, если представители какого-либо лингвоэтнотоса формируют некоторое

⁶ Почему на Украине некоторые говорят на чисто русском без говора? // Большой вопрос. URL: <https://www.bolshoyvopros.ru/questions/4082599-pochemu-na-ukraine-nekotorye-govorjat-na-chisto-russkom-bez-govora.html> (дата обращения: 13.12.24).

⁷ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

⁸ Какой язык выбирает настоящая Украина // Царьград. URL: https://tsargrad.tv/articles/kakoj-jazyk-vybiraet-nastojashhaja-ukraina_164392 (дата обращения: 13.12.24).

политические образование (например, республику) в составе политэтноса. С этой точки зрения, например, цыганский этнос может быть определен только как лингвоэтнос и социоэтнос, но не как политэтнос, поскольку язык цыган не признан официальным в России, и он не связан ни с каким государственным образованием в рамках Федерации.

4. Родной язык. Лингвоэтнос базируется на понятии «родной язык». Вопрос о родном языке — один из самых болезненных для социолингвистики. Часто высказываются сомнения по поводу существования этого феномена. Й. Бломмерт, например, утверждает: «Хотя понятия „носитель родного языка“, „материнский язык“ и „этнолингвистическая группа“ обладают значительной идеологической силой (и как таковые должны, безусловно, быть объектами анализа), им не место в инструментарии социолингвистики» (Blommaert, 2010: 12). Противники теории родного языка указывали, что «она имеет дискриминационный характер, поскольку в многоязычном мире ни одна нация не может предъявлять свои исключительные права на язык. Язык принадлежит всем, кто им пользуется, и представители любой нации имеют право использовать язык так, как того требуют их интересы, в том числе придерживаться собственных эднорм» (Германова, 2024: 19).

Нам несколько непонятно, как наука, констатирующая наличие реальных явлений и закономерностей, может оцениваться с точки зрения того, как результаты ее исследований могут использоваться в политической жизни общества. С этой точки зрения необходимо было бы отказаться, например, от исследований ядерной физики, поскольку они приводят к созданию не только эффективных систем энергообеспечения, но и атомной бомбы и т.д.

Мы считаем, что родной язык не просто существует, но и формирует базовую этническую общность — лингвоэтнос, объединяя своих носителей тем, что создает базу их ментальности и менталитета. Как пишет Д.В. Полежаев, «менталитет, который в значительной степени детерминирован социальными условиями, выражается в языковых особенностях нации, народных способах социального общения и т.п. Язык, в свою очередь, оказывает определенное формирующее влияние на процесс становления и функционирования социального менталитета и ментальности отдельной личности» (Полежаев, 2009: 57). Родным языком поэтому может быть только функционально первый язык, характеризующийся, по свидетельству Н.Н. Германовой, следующими признаками: 1) «...это язык, который человек выучивает в младенчестве первым, перенимая его чаще всего от родителей в неформальной обстановке; в этом смысле его часто называют «материнским языком» (**происхождение**); 2) это язык, который он знает лучше всего, причем в этом плане с ним не могут сравниться те, для кого данный язык является вторым (**компетенция**); 3) язык, который говорящий использует чаще всего и / или использует в наиболее интимных областях, таких, как ведение дневника, сновидения и т.п. (**функция**); 4) язык, с которым он сам себя идентифицирует и с которым его идентифицируют окружающие (**идентификация**)» (Германова, 2024: 20).

Таким образом, русский лингвоэтнос формируется вокруг родного — функционально первого русского языка. При этом именно он становится единственным объективным этноформирующим началом: человеку значительно проще перейти из одного социоэтнуса в другой, поменяв по той или иной причине свое мнение о своей этнической принадлежности, значительно проще перейти из одного политэтнуса в другой, поменяв гражданство, но переход в другой лингвоэтнос хоть и возможен, но требует значительных усилий и исключительных обстоятельств. Для обеспечения новой идентификации субъекту нужно забыть свой изначальный первый функциональный язык и сформировать новые компетенции и функции, что достаточно сложно.

Использование соотношения «тип язык — тип этноса» обеспечивает построение типологии этнических профилей личности. Ситуация, когда родной язык, национальный язык и государственный язык для одной личности совпадают формирует сбалансированную модель профиля (Модель РЛ+РС+РП⁹: русский лингвоэтнос + русский социоэтнос + русский политэтнос). Несбалансированная же модель отражает нетождественность статусов языков личности. Для гражданина Российской Федерации, говорящего исключительно на русском языке, но считающего себя татаринном, этнический профиль представляет модель РЛ+ТС+РП, а для билингва, проживающего в Калмыкии и считающего себя калмыком, — РКЛ+КС+Р(К)П.

Заключение

Итак, «этническая личность» представляет собой пересечение трех уровней этничности — лингвального, социокультурного и политического, создающих ее этнический профиль, главным фактором формирования которого является язык: родной для лингвоэтнуса, национальный для социоэтнуса и государственный для политэтнуса. На каждом из уровней личность получает как общеэтническое, так и субэтническое определение. Дальнейшее исследование этнических профилей предполагает построение развернутой системы моделей их формирования. Целый ряд вопросов требует уточнения в связи с вышеизложенной концепцией. Например, важной представляется проблема уточнения соотношения языковой идентификации и самоидентификации личности с культурными, ментальными, социальными, психологическими аспектами самоидентификации на социокультурном уровне профиля и с политическими аспектами идентификации и самоидентификации — на уровне политэтнуса. Важно определить причины и особенности выбора того или иного языка как средства коммуникации и маркера этнической самоидентификации в условиях билингвизма. Такие исследования могут стать основой для формирования нового — лингвоэтнологического подхода к описанию этнической структуры государства, к определению ключевых положений национальной политики.

⁹ В кодировке этнического профиля используются символы названия языка (Р — русский, Н — не русский) и названия типа этноса: Л — лингвоэтнос, С — социоэтнос, П — политэтнос.

Список литературы

- Алпатов В.М., Борисова Е.Г., Валу́йцева И.И. и др. Социоллингвистика. СПб : ЛАНЬ, 2024. 260 с. EDN: HPGDQM
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.
- Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с. EDN: QJYFRW
- Арефьев А.Л. О языках коренных малочисленных народов России // Социологические исследования. 2015. № 8 (376). С. 75–84. EDN: UFZIXN
- Белов С.А., Кропачев Н.М. Понятие государственного языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17. № 1. С. 4–21. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.101> EDN: GMPTGZ
- Германова Н.Н. Носитель языка и родной язык: метаморфозы понятий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 9 (890). С. 16–22. EDN: OVCUIT
- Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М. : Наука, 2003. 764 с. EDN: QOCLJH
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : Айрис-пресс, 2004. 557 с.
- Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму. Київ : Либідь, 1999. 352 с.
- Корина Н., Верде О., Замалетдинов Р. К проблеме нациолекта и его влияния на специфику терминологии и особенности et перевода // Journal of Linguistics. 2021. Vol. 72. №. X. Pp. 787–808. <https://doi.org/10.2478/jazcas-2022-0004> EDN: AYSLVN
- Кузнецова Е.В. Язык и национальная идентичность // Омский научный вестник. 2011. № 3 (98). С. 102–105. EDN: OIJLBV
- Махмудов Т.З. Понятие этноса и других категорий этнических групп // Аналитика культурологии. 2013. № 26. С. 148–160. EDN: QZDIWF
- Нечаева Е.Ф. Языковое сознание и национальный менталитет (к вопросу о терминологии) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. 30–33. EDN: KYSERL
- Новикова О.Н. Язык как фактор и средство национальной идентичности населения Боснии и Герцеговины: история и современность // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 64–70. <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2019-2-64-70> EDN: MIMVCV
- Оль П.А., Ромашов Р.А. Нация: генезис понятия и вопросы правосубъектности. СПб. : Изд-во Юрид. ин-та, 2002. 141 с.
- Погорельская С.В. Внутриполитические аспекты новой Германской внешней политики // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 7. С. 91–100.
- Полежаев Д.В. Менталитет и язык: особенности феноменологического взаимодействия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 5. С. 57–62. EDN: LPAWUB
- Рудяков А.Н. Георусистика и закономерности формирования национальных вариантов языка // Функциональная лингвистика. 2010. Т. 1. С. 5–6.
- Словарь социоллингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. М. : Институт языкознания РАН, 2006. 312 с. EDN: RVZDGH
- Теркулов В.И. Региолект или национальный вариант: к постановке проблемы // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 117–121. EDN: PWYXUZ
- Теркулов, В.И. О понятии «региолект» // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2018. № 3–4. С. 5–16. EDN: HBMPYL
- Теркулов В.И. Соотношение языковой и этнической идентификации // Вопросы психолингвистики. № 2 (60). 2024а. С. 104–115. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2024-60-2-104-115> EDN: RBUDCI

- Теркулов В.И. Языковая, социокультурная и политическая идентификации личности как конструкты ее этнического профиля // *Аксиология и когнитивная лингвистика*. М. : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2024b. С. 214–221. EDN: KDHKSD
- Ушинский К.Д. Родное слово: книга для детей и родителей. Новосибирск : Мангазея, 1999. 448 с.
- Хотинцев В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 124 с. EDN: SJYPIF
- Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии М. : Высшая школа, 1971. 200 с.
- Blommaert J. The sociolinguistics of globalization. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 213 p. <https://doi.org/10.1017/S0047404511000492>

Сведения об авторе

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий кафедрой русского языка, Донецкий государственный университет, Российская Федерация, ДНР, 283001, Донецк, ул. Университетская, д. 24. *Сфера научных интересов*: социолингвистика, лингвоэтнология, дериватология, лингворегионалистика. Автор около 300 работ. ORCID: 0000-0002-0418-4260. SPIN-код: 1981-6928. Researcher_ID: K-3087-2018. Scopus Author_ID: 57222508169. E-mail: terkulov@rambler.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-290-303

EDN: GCEECY

Research article

The Russian language and an ethnic personality profile

Vyacheslav I. Terkulov

Donetsk State University, *Donetsk, Russian Federation*

✉ terkulov@rambler.ru

Abstract. The relevance of the research is defined by the necessity to establish the parameters of a person's ethnic identification and self-identification. It is motivated by the need to solve political, ethnological, and sociological problems that have emerged recently, such as the formation of national identity, cultural identity, and personality behavioral stereotypes. It is important to detect the role of language in this process, since language is the main marker of all types of ethnic identity combined into an ethnic personality profile. The study is aimed at characterizing the Russian language influence on ethnic personality profiles of Russian linguistic ethnos representatives. The material consists of documents and scientific studies reflecting current trends in using the Russian language in the Russian Federation and in the world. The aim was achieved through methods of sociolinguistic analysis, in particular, the method of analysis of written sources and the method of stratificational classification. The three-part (linguistic ethnos, social ethnos, and political ethnos) ethnic profile structure has been established. The ethnic structure, adjusted to personality bilateral attribution, ethnic and

subethnic, is defined. Subethnic elements of all components in the ethnic profile are identified. Ethnic statuses of literary language, territorial, social and national modifications of language, national language, state language and native language are established. The difference between Russian and superordinate languages with their national versions, is described. For example, English language has British, American and other national versions. United Russian linguistic ethnos and united Russian social ethnos have been confirmed, although they are associated with different political ethnicities. The author stated that the main factor of an ethnic personality profile is language and assumed that it is possible to construct a typology of ethnic profiles based on the formulaic conjugation of linguistic-ethnic, socio-ethnic and political-ethnic personality characteristics.

Keywords: linguistic ethnos, social ethnos, political ethnos, subethnos, state language, literary language, national language, native language

Funding. The research was conducted on the topic of the state order “Structural and functional parameters of the Russian language existence and development in the XX–XXI centuries in its regional and general linguistic aspects” (State registration No. R&D 124051400024-1).

Conflict of interests. The author declares that they have no conflict of interests.

Article history: received 15.10.2024; accepted 14.02.2025.

For citation: Terkulov, V.I. (2025). The Russian language and an ethnic personality profile. *Russian Language Studies*, 23(2), 304–319. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-304-319>

References

- Alpatov, V. M., Borisova, E. G., Valuitseva, I. I. and etc. (2024). *Sociolinguistics*. Saint Petersburg: LAN' Publ. (In Russ.). EDN: HPGDQM
- Anderson, B. (2016). *Imagined communities*. Moscow: Kuchkovo pole Publ. (In Russ.).
- Aref'yev, A. L. (2012). *The Russian language at the turn of the XX–XXI centuries*. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing Publ. (In Russ.). EDN: QJYFRW
- Aref'yev, A. L. (2015). On the languages of the indigenous small peoples of Russia. *Sociological research*, (8), 75–48. (In Russ.). EDN: UFZIXN
- Belov, S. A. & Kropachev, N. M. (2020). The notion of state language. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 17(1), 4–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.101>. EDN: GMPTGZ
- Blommaert, J. (2010). *The sociolinguistics of globalization*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/S0047404511000492>
- Germanova, N. N. (2024). Native speaker and native language: transformations of the concepts. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, (9), 16–22. (In Russ.). EDN: OVCUIT
- Guboglo, M. N. (2003). *Identification of identity: Ethnosociological essays*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.). EDN: QOCLJH
- Gumilev, L. N. (2004). *Ethnogenesis and the biosphere of the Earth*. Moscow: Airis-press Publ. (In Russ.).
- Kas'yanov, G. (1999). *Theories of the nation and nationalism*. Kiev: Lybid Publ. (In Ukr.).
- Khotinets, V. Y. (2002). *Ethnic identity and tolerance*. Yekaterinburg: Ural University Publ. (In Russ.).
- Korina, N., Wrede, O., & Zamaletdinov, R. (2021). The problem of natiolect in connection with the language interference and the specifics of terminology translation. *Journal of Linguistics*, 72(X), 787–808. (In Russ.). <https://doi.org/10.2478/jazcas-2022-0004> EDN: AYSLVN

- Kuznetsova, E. V. (2011). Language and national identity. *Omsk Scientific Bulletin*, (3), 102–105. (In Russ.). EDN: OIILBV
- Makhmudov, T. Z. (2013). The concept of ethnos and other categories of ethnic groups. *Analitika kul'turologii*, (26), 148–160. (In Russ.). EDN: QZDIWF
- Mikhal'chenko, V. Yu. (Ed.). (2006). *Dictionary of Sociolinguistic Terms*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.). EDN: RVZDGH
- Nechaeva, E.F. (2009). Linguistic Consciousness and National Mentality (Terminological Aspect). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, (2), 30–33. (In Russ.). EDN: KYSERL
- Novikova, O. N. (2019). Language as a factor and means of national identity of the population of Bosnia and Herzegovina: history and modern time. *Humanities and law research*, (2), 64–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2019-2-64-70> EDN: MIMVCV
- Ol', P. A., & Romashov, R. A. (2002). *Nation: (The genesis of the concept and issues of legal personality)*. Saint Petersburg: Law Institute Publ. (In Russ.).
- Pogorel'skaya, S. V. (2001). Domestic political aspects of the new German foreign policy. *World Economy and International Relations*, (7), 91–100. (In Russ.).
- Polezhaev, D. V. (2009). Mentality and language: features of phenomenological interaction. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, (5), 57–62. (In Russ.). EDN: LPAWUB
- Rudyakov, A. N. (2010). Georistics and patterns of formation of national language variants. *Functional linguistics*, 1, 5–6. (In Russ.).
- Schweitzer, A. D. (1971). *Literary English in the USA and England*, Moscow: Vysshaya Shkola Publ. (In Russ.).
- Terkulov, V.I. (2018). About “Regiolect” notion. *Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology*, (3–4), 5–16. (In Russ.). EDN: HBMPYL
- Terkulov, V. I. (2024a). Correlation of linguistic and ethnic identification. *Journal of Psycholinguistics*, (2), 104–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2024-60-2-104-115>. EDN: RBUDCI
- Terkulov, V. I. (2024b). Linguistic, socio-cultural and political identification of a personality as constructs of its ethnic profile. In *Axiology and cognitive linguistics* (pp. 214–221). Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language Publ. (In Russ.). EDN: KDHKSD
- Terkulov, V. I. (2012). Regional dialect or national variant: stating the problem. *Philology and Culture*, (2), 117–121. (In Russ.). EDN: PWYXUZ
- Ushinskii, K.D. (1999). *Native word: book for children and parents*. Novosibirsk: Mangazeya Publ. (In Russ.).

Bio note:

Vyacheslav I. Terkulov, Doctor of Philology, Professor, Chief Scientific Officer, Head of the Russian Language Department, Donetsk State University, 24 Universitetskaya st., Donetsk, 283001, DPR, Russian Federation. *Research interests*: sociolinguistics, linguoethnology, derivatology, linguoregionalistics. The author of about 300 works. ORCID: 0000-0002-0418-4260. SPIN-code: 1981-6928. WoS Researcher_ID: K-3087-2018. Scopus Author_ID: 57222508169. E-mail: terkulov@rambler.ru